

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию А.С. Балаховской

«Иоанн Златоуст в византийской агиографической традиции (V–X вв.)»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.03 – литература стран народов зарубежья
(литература Европы)

За последнее десятилетие в филологической науке возрос интерес к пограничным эпохам в истории европейской литературы, и прежде всего, к рубежу античности и средневековья – периоду, помогающему по-новому осмыслить типично средневековые литературные жанры, к числу которых принадлежит агиография. Жанр жития не привлекал серьезного внимания отечественных исследователей именно в силу кажущейся «пограничности», ибо представлялся скорее продуктом религиозного, нежели собственно литературно-художественного сознания, объектом, более подлежащим изучению культуролога и антрополога, нежели литературоведа. Однако живой интерес к житиям читателей XXI века, не скованных исторически сложившимся в прошлом столетии предубеждением к религии, подтверждает их популярность и эстетическую потребность в них самой широкой аудитории нашего времени. Все это делает вполне актуальным изучение византийской агиографической традиции, усвоенной и переработанной мастерами отечественной словесности самых разных эпох. Особенно актуальным представляется обращение автора диссертации к фигуре святителя Иоанна Златоуста, чье имя не только запечатлено в топонимике Москвы, но стало и остается предметом народного почитания на Руси как символ истинного красноречия и бескорыстного служения слову. Посвященная Златоусту житийная литература интересна также и тем, что – как никакая другая – дает в руки исследователю ключ к пониманию разнообразных историко-культурных факторов, которые содействовали ее становлению на протяжении более половины тысячелетия.

Данная диссертационная работа состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии.

Обоснованность структуры диссертации определяется движением мысли автора от истории церковного почитания и изучения агиографии Иоанна Златоуста (глава 1) к выделению четырех этапов формирования златоустовской агиографической традиции: ее зарождения в трудах современников – полемистов, апологетов, церковных историков (глава 2), ее насыщения легендарными элементами в житии Псевдо-Георгия Александрийского (глава 3), риторического совершенствования в постгеоргиевских житиях (глава 4) и окончательного отхода от исторической основы в сторону идеализации образа святого в житиях второй половины X века (глава 5).

Деление каждой главы на разделы и подразделы соответственно рассматриваемым литературным памятникам и затрагиваемым проблемам подчеркивает внутреннюю связность и логичность рассуждений автора.

Введение характеризуется четкой формулировкой предмета, теоретической и методологической основы, гипотезы, материала, цели и задач исследования, а также выносимых на защиту положений; достаточным обоснованием актуальности темы, новизны научных результатов, их теоретической и практической значимости, личного вклада автора.

Глава первая «Иоанн Златоуст. Церковное почитание. История изучения его агиографии» (не имеющая, в отличие от прочих, более дробной рубрикации), на первый взгляд, может показаться простым сложением известных примеров из жизни святителя, его посмертного почитания, формирования его церковного культа, издания посвященных ему рукописей и череды исследовательских попыток Нового времени разграничить реальные и вымышленные факты его биографии. Однако при более внимательном прочтении в ней обнаруживается некое связующее звено, которое обуславливает ее цельность, именно, стремление показать, что зарубежные исследователи, сосредотачиваясь на реальной личности

почитаемого святого, проявили недостаточное внимание к жанровым и литературно-художественным особенностям посвященной ему агиографии. Ценным в этой главе представляется последовательно проведенное обоснование иного, филологического и литературоведческого подхода, который в конечном итоге позволил автору диссертации представить формирование литературного образа Златоуста не просто как искажение исторической основы его биографии, но как закономерное развитие жанра жития под влиянием книжной позднеантичной и устной народной традиции.

В главе второй «Начало агиографической традиции» автор сосредотачивается на зарождении жизнеописания святителя в связи со спорными трактовками его личности современниками – друзьями и врагами. В фокусе внимания оказываются четыре произведения, стоящие еще вне собственно житийной традиции – это «Диалог» Палладия Еленопольского, «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия Антиохийского, а также церковные истории Сократа Схоластика и Созомена Саламинского. Сравнительный анализ этих произведений обнаруживает нередко противоположные, но всякий раз, в том или ином смысле, пристрастные позиции их авторов, что позволяет понять тот достаточно противоречивый материал, с которым работали последующие агиографы.

«Диалог» Палладия и «Надгробное слово» Псевдо-Мартирия анализируются, прежде всего, в плане их связи с ранее сложившимися жанрами похвального слова-энкомия, диалога и апологии, которые помогают создать стереоскопический образ Иоанна Златоуста и его времени, увидеть их под разным углом зрения. Здесь судьба святителя рассматривается еще в контексте современной ему церковно-политической ситуации и богословских споров. Однако анализ труда Палладия включает также обстоятельный обзор позднеантичных топосов, которые используются при описании жизненного пути святого, но получают новое, христианское осмысление. Автору удастся показать, что уже в ранних жизнеописаниях Златоуста появляется такая свойственная средневековым житиям черта, как назидательность.

Обращение к сочинениям исторического жанра при изучении зарождения агиографической традиции оправдано вдвойне: и потому, что расширяет круг ее источников, и потому, что дает объяснение некоторым противоречивым чертам в более позднем образе литературного героя. Благодаря сопоставлению церковных историй Сократа и Созомена, не согласных в оценке личности Иоанна Златоуста, автору диссертации удается разрушить сложившийся стереотип представлений о житии как некоем елейном приукрашивании личности святого и показать, что в дальнейшем формировании житийной традиции востребованным оказался как раз взгляд оппонента Златоуста. Таким образом, сопоставление свидетельств современников позволило А.С. Балаховской выявить те стороны их трудов, в которых намечаются возможности литературной эволюции образа святителя.

Третья глава «Житие св. Иоанна Златоуста Псевдо-Георгия Александрийского», поделенная на семь разделов, занимает центральное место в работе как по объему, так и по скрупулезному описанию материала. После компактного, но насыщенного аргументацией обзора авторства, источников и степени их использования в «Житии» Псевдо-Георгия (разделы 1 – 3), следует детальный и в целом убедительный анализ центральных для данного исследования проблем – влияния народной легендарной традиции на складывание литературной формы жития (раздел 4), жанровой специфики сочинения Псевдо-Георгия (раздел 5), воздействия на житийный нарратив эстетических потребностей средневековой аудитории (раздел 6) и псевдо-эпиграфических сочинений (раздел 7).

Вместе с тем, обсуждение этих центральных тем вызывает ряд вопросов и замечаний.

Следует согласиться с тем, что наиболее важными по достоверности являются, разумеется, сами творения святителя, как и сочинения современных ему историков, о которых шла речь в главе второй. Однако, перечислив упомянутые ранее имена, автор работы упоминает также «Новую историю» языческого историка Зосимы, считая ее полезной при

сравнительном анализе данных, несмотря на низкую степень достоверности. Возникают вопросы: почему этому современнику Златоуста не уделено достаточного внимания в главе первой, наряду с Сократом и Созоменом? Все ли современники Златоуста, писавшие о нем, упомянуты в этой главе? На протяжении работы всплывают также некоторые другие имена (например, «Житие» Феодора Тримифунтского), которые привлекаются для сравнения, но остаются вне детального анализа. То есть отбор материала, на мой взгляд, можно было бы осветить и обосновать более подробно и убедительно.

Бесспорно, опять-таки, что «легендарное» – это синоним «недостоверного». Однако в работе возникает и другой критерий «легендарного» – некие «типологические черты» легенд, к которым отнесены абсорбция, игнорирование хронологии, упрощение, наделение героя лучшими качествами, фантастические повествования и даже чудеса. Но могло ли чудо восприниматься в христианской ментальности как нечто «недостоверное»? Обилие чудес у Беда Достопочтенного до сих пор удивляет историков, но никто не отказывает ему на этом основании в объективности повествования. И если игнорирование хронологии – признак легендарного, то почему далее хронологический принцип изложения не только выступает как важное отличие труда Псевдо-Георгия от более ранних энкомиев, но считается значимым именно для легендарных повествований, которыми восполнялись пробелы в описании жизни святого?

Наличие подобных нестыковок, думается, следует отнести за счет того, что в работе недостаточно четко поставлен сам вопрос о том, какие именно черты принадлежат исключительно «народной низовой» или «народной легендарной» традиции в отличие от «историко-литературной». Так, обилие чудесного, фантастика, занимательность, яркие образы – эти черты появляются, вероятно, уже в античном романе, и таким образом, едва ли могут быть отнесены исключительно к устной народной традиции.

Получается, что целый ряд агиографических деталей объясняется в работе ссылкой на присутствие «легендарного материала», которому все же не дается достаточно четкого определения.

Представляется также, что сам термин «литературный» и «литературность» используется в работе в двух разных смыслах, не всегда разграничиваемых автором – то как синоним «книжного» в отличие от «устного», то как синоним «вымышленного, недостоверного» в отличие от «исторически засвидетельствованного» (например, когда автор рассуждает о превращении Иоанна Златоуста из исторической фигуры в литературного героя или о чисто «литературных» задачах увлекательности и назидательности, которые ставил перед собой Псевдо-Георгий).

Наконец, к вопросу о литературных вкусах средневековой массовой аудитории, ее любви к чудесам, страстности, ярким сценам и т.п. Нельзя ли предположить, что Псевдо-Георгий, в чьем сочинении, впервые в златоустовской агиографии, проявляется склонность следовать за читательской аудиторией, руководствовался не только ее собственными потребностями, но и появившейся на Западе традицией занимательных житий, начало которым положил ранее в своих «Диалогах» свт. Григорий Двоеслов? Привлечение западного литературного контекста эпохи могло бы оказаться полезным.

Указанные замечания возникают, разумеется, более в силу новизны самих проблем, поставленных А.С. Балаховской, и, возможно, недостаточной разработанности терминологии, которая бы адекватно описывала специфику раннесредневекового словесного творчества. Ценность главы о Псевдо-Георгии в том и состоит, что заставляет увидеть трансформацию образа Иоанна Златоуста в совершенно новом ракурсе (не только церковного почитания, но и литературного развития) и потому наводит на множество новых мыслей и заставляет задавать новые вопросы.

Один из таких вопросов – это также вопрос о том, в какой мере житийная литература (и «Житие» Псевдо-Георгия, в частности) могут

вбирать в себя негативное отношение к святителю его недоброжелателей. Думается, что если в псевдоэпиграфах Иоанн Златоуст выступает страстным, прямолинейным и гневным обличителем, то сама эта черта, сохраняясь в житиях, получает, скорее, позитивную оценку и потому едва ли может быть отнесена к «тенденциозным описаниям». Иначе лишился бы смысла вывод о противостоянии исторического персонажа и литературного героя, обоснованный автором с исключительной точностью и достоверностью.

Четвертая глава «Постгеоргиевская традиция (конец VIII – начало X вв.)» посвящена дальнейшему развитию агиографии Иоанна Златоуста в переложениях Псевдо-Георгия или самостоятельных литературных трудах. На материале четырех памятников убедительно продемонстрированы направления переработки предшествующего материала – от наполненного литературными штампами «Сокращенного жития» (механически урезанной версии «Жития» Псевдо-Георгия) до риторически усовершенствованных житий Космы Веститора и Никиты Философа, первое из которых позволяет автору сделать справедливый вывод о существовании иной, независимой от Псевдо-Георгия, традиции житий Иоанна Златоуста.

Впрочем, касательно и этого круга проблем возникает ряд вопросов к диссертанту. Прежде всего, хотелось бы более осторожного пользования терминами «литературные штампы» и «литературная самостоятельность» применительно к эпохе, когда еще не сложилось понятия плагиата и индивидуальной «поэтики автора», но само авторство выступало лишь как разновидность канона (См.: С.С. Аверинцев. Авторство и авторитет, в сб.: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994). Можно ли отказывать некоторым житиям в художественных достоинствах на основании того, что (в понимании литературных критиков Нового времени) может показаться «литературным штампом»? Всегда ли «текстуальные совпадения» свидетельствуют о сознательном заимствовании или, скорее, должны рассматриваться как верность канону, который, к тому же, мог складываться, вероятно, и в устной

традиции (ср. известную «формульную теорию» Пэрри-Лорда, которая находит подтверждение в древней и средневековой словесности разных народов)? Метод работы с помощью «ножниц и клея», на который ссылается автор, принадлежит, конечно, другой эпохе. Повторю, однако, что подобные вопросы более свидетельствуют о неразработанности материала, нежели представляют попытку хоть сколько-нибудь умалить высочайшую текстологическую или историко-литературную компетентность автора работы.

В главе пятой «Агиографическая традиция II половины X века» анализируются характерные черты завершающего этапа становления житийной литературы, посвященной святителю Иоанну Златоусту. И в этой главе источниковедческие проблемы (обсуждаемые в четырех разделах), не заслоняют главного предмета исследования, а именно, литературно-художественных особенностей анализируемых памятников (раздел 5). Интересна характеристика житий данного периода как «кульминации» и «итога» развития златоустовской агиографии, которой сопутствует стремление агиографов, с одной стороны, создать версию облегченную и упрощенную, с другой стороны – обогатить и усовершенствовать источник, сделать его более выразительным и рельефным через использование различных риторических фигур и тропов. Здесь невольно напрашивается некоторая аналогия с концом X века в Англии, отмеченным созданием оригинальных парафраз латинской агиографии на народном языке, которые отличались одновременно доступностью и стилистической завершенностью. В Англии это было вызвано распространением с континента религиозно-культурного движения, получившего название «бенедиктинского возрождения». Пожеланием автору настоящей диссертации могло бы быть более широкое обращение в дальнейшем к культурному контексту той же эпохи на Западе, что, возможно, помогло бы выявить некие параллельные течения в литературном процессе средневековой Европы.

В Заключении работы подведены итоги проведенного исследования.

Библиография диссертации представлена обширным списком из 314 наименований на основных европейских языках (из них 76 – на русском).

Указанные замечания, вопросы и пожелания нисколько не снижают очень хорошего впечатления от работы, выполненного на самом высоком научном уровне, отличающейся прекрасным стилем, логичностью рассуждений и изложения, компоновки материала и подачи собственных выводов.

Проведенное А.С. Балаховской исследование отличается новизной постановки проблемы и выводов и составляют значительный теоретический вклад в историю европейской литературы и историческую поэтику (в частности, в теорию жанров), а также могут найти практическое применение как при научном издании агиографии Иоанна Златоуста, так и в преподавании истории и теории литературы в вузах.

Новизна работы и личный вклад автора заключаются, прежде всего, в тщательнейшем текстологическом и историко-литературном анализе всех доступных житий Иоанна Златоуста, которые не только выстраиваются в легко обозримую цепь заимствований и влияний, но получают исчерпывающее поэтологическое и стилистическое описание. Автор не довольствуется отсылкой к точке зрения своих предшественников, но неоднократно предлагает и убедительно обосновывает собственные решения проблем авторства и источников изучаемых памятников. Наконец, важнейшим вкладом автора является убедительное обоснование и блестящее применение литературоведческого и, шире, филологического подхода к трансформации образа Иоанна Златоуста в житийной литературе, а также попытка разграничить роль устной, народно-легендарной и книжной позднеантичной традиции в становлении златоустовской агиографии.

Представленная диссертация, посвященная формированию византийской агиографической традиции епископа константинопольского Иоанна Златоуста, является самостоятельным исследованием и содержит новые теоретические обобщения касательно историко-литературных

факторов, под влиянием которых складывалась окончательная редакция жития, вошедшая в общеупотребительные менологии, поэтому выводы автора вносят значительный вклад в развитие отечественного литературоведения.

Публикации и автореферат А.С. Балаховской отражают основные положения диссертации.

Диссертационное исследование Александры Сергеевны Балаховской «Иоанн Златоуст в византийской агиографической традиции (V–X вв.)» по своей актуальности, научной новизне, серьезному вкладу в изучение истории европейской литературы (в частности, агиографии), а также по своей практической значимости, соответствует требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, и автор диссертации А.С. Балаховская, несомненно, заслуживает присуждения ей степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература стран народов зарубежья (литература Европы).

Доктор филологических наук,
Зав. кафедрой английской филологии
Института филологии и истории
Российского государственного
гуманитарного университета

Н.Ю. Гвоздецкая